

§ 8. Сравненіе греческаго распѣва въ Россіи съ подлиннымъ греко-византійскимъ церковнымъ пѣніемъ; его достоинства и недостатки.

Нашъ греческій распѣвъ или Мелетіевъ переводъ несомнѣнно сдѣланъ съ подлинныхъ греческихъ напѣвовъ, принесенныхъ въ Россію въ третьей четверти XVII вѣка греческими пѣвцами. Объ этомъ ясно и фактически свидѣтельствуетъ исторія русской Церкви того времени. Онъ не долженъ быть и далека отъ греческихъ напѣвовъ того времени, такъ какъ заимствованъ съ живого, открытаго для всѣхъ богослужбнаго пѣнія природныхъ грековъ въ Москвѣ, и пѣтъ былъ русскими пѣвцами, а иногда излагался и въ нотныхъ книгахъ, параллельно съ греческими напѣвами и греческимъ текстомъ. Но при всемъ томъ о близости или отдаленности нашихъ переводовъ къ подлиннымъ греческимъ образцамъ въ настоящее время трудно сдѣлать точные выводы, т. е. указать въ частности, что этотъ напѣвъ взятъ именно съ такого-то, а другой съ такого образца. Тому препятствуетъ прежде всего обиліе самыхъ напѣвовъ въ странахъ восточно-греческихъ и ихъ малоизвѣстность не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Въ греческой Церкви пѣвчій матеріалъ весьма обиліенъ и разнообразенъ. Тамъ теченіе многихъ вѣковъ, обширность христіанскаго міра, разнородность его обитателей, еще болѣе чѣмъ въ Россіи, полагають на церковныя напѣвы печать времени, мѣста, народностей, быта пѣвцовъ, внутреннихъ и вѣшнихъ условій и вліяній. А такъ какъ въ изложеніяхъ нашихъ греческихъ напѣвовъ со второй половины XVII вѣка нѣтъ частныхъ указаній на ту или другую мѣстность, изъ которой они заимствованы, а равно нѣтъ и обозначенія ихъ происхожденія, времени сложенія и видовъ, то мы и не можемъ теперь провѣрить степени точности ихъ перевода съ подлинными греческими напѣвами.—Сверхъ того

подлинныя греческія напѣвы XVII вѣка мало доступны намъ нынѣ и потому, что писаны крюковыми не понятными намъ знаками, которые не переложены на европейскую нотацию, да и у самихъ грековъ нынѣ вышли изъ употребленія и замѣнены новою крюковою же системою.

Тѣмъ не менѣе изъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ о нашемъ гречко-русскомъ распѣвѣ, изъ сравненія его съ дошедшими до насъ образцами подлиннаго греческаго пѣнія и наконецъ изъ разсмотрѣнія, его состава и свойствъ видно, что распѣвъ этотъ, основанный дѣйствительно на византійскомъ церковномъ осмогласіи, не только и въ большей части своихъ напѣвовъ не удерживаетъ въ полной силѣ и точности всѣхъ его мелодическихъ и ритмическихъ свойствъ, а потому долженъ быть признанъ не точнымъ переводомъ кореннаго греческаго распѣва, а распѣвомъ отъ него *производнымъ* и *видоизмѣненнымъ*. И прежде всего напѣ переводный греческій распѣвъ не могъ быть полнымъ и точнымъ уже потому, что сдѣланъ съ образцовъ, принесенныхъ въ Россію разными лицами. Греческіе напѣвы сообщены русскимъ пѣвцамъ частію нашими южно-русскими до прибытія въ Россію пѣвцовъ греческихъ, частію Мелетіемъ, іеродіакономъ Константинопольскимъ, частію пѣвцами восточныхъ святителей: Іерусалимскаго Павсія, Антиохійскаго Макарія и Александрійскаго Павсія, а потому не могли быть однообразны въ подробностяхъ. Поэтому и въ переложеніяхъ естественно могло случиться, что одинъ напѣвъ заимствованъ изъ одной страны, другой изъ другой, каковыя напѣвы и совмѣщены въ нашемъ переводномъ распѣвѣ безъ строго научной музыкальной системы.

Затѣмъ ни изъ чего не видно, чтобы переложенія нашего греческаго распѣва въ Россіи дѣлались съ нотныхъ греческихъ книгъ, хотя книги эти и имѣлись въ Московской патріаршей библіотекѣ, а могли быть привезены и греческими пѣвцами съ собою. Трудность въ изученію и исполненію гре-

ческих знаменъ того времени, обычай грековъ пѣть устно безъ нотъ¹⁾ и молчаніе исторіи о справкахъ съ нотными книгами располагаютъ думать, что греческіе напѣвы перелагались у насъ не съ нотныхъ книгъ, а съ живого голоса греческихъ пѣвцовъ, пѣвшихъ отчасти по книгѣ, отчасти по устному пѣвческому преданію. Живое же устное преданіе напѣвовъ и заимствованіе ихъ по впечатлѣнію и слуху, какъ извѣстно, всегда допускаютъ болѣе или менѣе важныя отступленія отъ ихъ точнаго письменнаго изложенія и соединяютъ иногда въ одну группу самыя разнообразныя мелодіи, обыкновенно съ упущеніемъ ихъ классификаціи по родамъ, видамъ и разрядамъ, а равно и другихъ частныхъ обозначеній, сохраняющихся въ книжномъ изложеніи напѣвовъ. А таковъ именно и нашъ греческій распѣвъ.

Далѣе историческія извѣстія и самый составъ нашего греческаго распѣва свидѣтельствуютъ, что переводъ его происходилъ безъ правильной системы и безъ надлежащей полноты, а такъ сказать, отрывочно, по требованію нужды богослужбной практики и усмотрѣнію пѣвцовъ. При чемъ одни изъ греческихъ напѣвовъ, производившіе благопріятное впечатлѣніе и казавшіеся потребными и удобопѣваемыми, принимались нашими пѣвцами, другіе же оставались не переведенными. Отъ того-то греческій распѣвъ примѣненъ у насъ не ко всему годичному кругу богослуженія и извѣстенъ не во всѣхъ его видахъ. Изъ нашихъ нотныхъ книгъ мы не можемъ получить понятія о протяжномъ мелодическомъ пѣніи священниковъ (*παλαδίκόν*), о широко развитыхъ мелодіяхъ херувимской пѣсни, причастнаго стиха и многихъ праздничныхъ пѣснопѣній (*χερουζικόν*, *καλοφωνικόν*). Мы не находимъ въ нихъ цѣлаго отдѣла напѣвовъ стихирарныхъ (*στιχηραρχία*), а

---

¹⁾ Архим. Порфирія. Приложенія ко 2-й части 1-го отд. Перваго путешеств. въ Афонскіе монастыри, стр. 80.

также пѣснопѣній литургій, службъ заупокойныхъ и пр. Для прочихъ же пѣснопѣній мы имѣемъ лишь по одному напѣву, тогда какъ въ греческой Церкви ихъ существуетъ множество. При патр. Никонѣ и его преемникахъ заимствованы въ Россію лишь распѣвы *средній* и *малый*, которые и примѣнены главнымъ образомъ къ пѣнію тронарей и ирмосовъ смѣшенно, безъ яснаго ихъ разграниченія, безъ соответственныхъ ихъ происхожденію, составу и употребленію надписаній. Правда въ изданіяхъ кацеллы мы имѣемъ значительное количество *ирмосовъ, утреню, антифоны* греческаго распѣва, но и здѣсь нѣтъ полнаго годичнаго круга богослуженія, ирмосы же, по самому ихъ надписанію, носятъ названіе *сокращеннаго* греческаго распѣва. Такимъ образомъ переводы греческаго распѣва въ Россіи не имѣютъ надлежаще полной системы подлиннаго греческаго пѣнія. Они не доведены до конца и представляютъ собою лишь коллекцію напѣвовъ *дополнительныхъ* къ существовавшимъ уже въ Россіи другимъ распѣвамъ, особенно же къ столповому или знаменному.

Но переводы эти и по своему *качеству* не выдерживаютъ вполне свойствъ подлиннаго греческаго пѣнія. Причиною того были съ одной стороны трудность примѣленія иностранныхъ напѣвовъ къ славянскому тексту, съ другой недостатокъ пѣвческой эрудиціи нашихъ пѣвцовъ XVII вѣка и наконецъ ихъ склонность къ западно-европейскимъ присамъ пѣнію.

И распѣваніе однороднаго текста однихъ пѣснопѣній по напѣву другихъ *большими* распѣвами нельзя назвать дѣломъ легкимъ. Затрудненіе къ тому представляютъ особенно разность количества слоговъ и словъ текста и разность размѣщенія въ нихъ удареній. Но еще труднѣе примѣнять напѣвы текста оригинальнаго иностраннаго къ переводному, стихометрическаго къ прозаическому, снабженнаго членами и долгими гласными къ тексту, не имѣющему этихъ особенностей. Вслѣдствіе этихъ разностей тождественныя мелодическіе обороты въ

оригинальныхъ напѣвахъ и ихъ переводахъ не возможны. Въ послѣднихъ мелодія, примѣняясь къ данному тексту, по необходимости то сокращается, то распространяется, то видоизмѣняется. Такъ наприм., за разностию количества слоговъ и мѣстъ удареній не возможно примѣнить одни и тѣ же мелодическіе обороты къ слѣдующимъ однозначущимъ фразамъ текста: Κύριε τῶν δυνάμεων *Господи сила*; Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος *Святъ, святъ, святъ*; τῶν βασιλέα τῶν ὀλῶν *Царя вѣхъ* и пр. Вообще греческій текстъ очень часто обильнѣе слогами, чѣмъ нашъ славянскій, и требуетъ въ мелодіи бѣльшаго количества нотъ, славянскій же текстъ, за его краткостію, требуетъ сокращенія мелодическихъ фразъ.

Но при переводѣ греческихъ напѣвовъ особенно важное затрудненіе составляетъ то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, какъ по своей гаммѣ (*энгармонической*, или *хроматической*), такъ по мелодическому движенію и оттѣнкамъ выраженія, составлены весьма искусственно и утонченно, а потому заключали въ себѣ много непреодолимыхъ трудностей для нашихъ перелазателей и пѣвцовъ того времени, которые не имѣли достаточной для того пѣвческой эрудиціи и особенно познаній въ оригинально-художественномъ греко-восточномъ пѣніи. Поэтому требовалось возможное упрощеніе подлинныхъ греческихъ напѣвовъ и примѣненіе ихъ къ извѣстной тогда въ Россіи *диатонической* гаммѣ, къ валичнымъ музыкальнымъ познаніямъ пѣвцовъ, къ ихъ пѣвческимъ привычкамъ и приѣмамъ. А эти обстоятельства должны были произвести не малое различіе между напѣвами подлинно греческими и нашими съ нихъ переводами.

Ниже мы увидимъ, что перелазатели греческихъ напѣвовъ примѣнительно къ русскимъ текстамъ обращались съ нѣкоторыми изъ нихъ довольно свободно, видоизмѣняя ихъ сообразно съ своими вкусами, знаніями и привычками. Но это частію видно и изъ свидѣтельствъ ихъ современниковъ.

Противники исправленія церковно-русскаго пѣнія говорили: Россіяне „поютъ многіе стихи ни по гречески, ни по славенски, согласіемъ органнымъ“¹⁾; или: „на Москвѣ во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латыни; законы и уставы у нихъ латинскіе, —руками машутъ, главами киваютъ, ногами топаютъ, какъ это обыкновенно бываетъ у латинянъ подъ звуки органовъ“²⁾. Латинскаго пѣнія въ православныхъ храмахъ Москвы въ дѣйствительности не было, а было вводится тогда вновь лишь пѣніе греческое и Кіевское съ болгарскимъ, но пѣвцы, —пришлецы юго-западной Россіи, —всякаго рода церковныя напѣвы, а въ томъ числѣ и греческіе, по словамъ А. Мезенца, пытались безъ науки и знанія дѣла не только переводить „въ органо-гласовное гласо-нотное пѣніе“, но и исправлять³⁾, вмѣстѣ же съ тѣмъ примѣняли къ нимъ и привычныя имъ хоровыя приемы исполненія, къ числу которыхъ относится и пѣвческая *хирономія*. Извѣстные тогда гармоническіе приемы пѣнія *трое-строчнаго* и *четырёхстрочнаго* приложены были и къ греческимъ напѣвамъ, что ясно, наприм., изъ показаній Вологодскихъ пѣвчихъ, которые пѣли нѣкоторыя пѣснопѣнія греческаго распѣва „верхъ, низъ, путь“, а также изъ нотныхъ тетрадей, писанныхъ для Петра Великаго⁴⁾. Примѣненіе же къ греческимъ напѣвамъ западно-европейской гармоніи, конечно, имѣло вліяніе на видоизмѣненіе и самыхъ мелодій, которыя для гармоническихъ выводовъ и практическихъ цѣлей принимали нѣсколько иной мелодическій строй и видоизмѣненіе движеніе.

---

¹⁾ Лазарь, облич. 16.

²⁾ Письма протеп. Аввакума. См. Истор. Рус. Ц., митр. Маварія, т. XII, стр. 613.

³⁾ Азбука А. Мезенца, изд. С. В. Смоленскаго. Казань. 1888 г., стр. 7.

⁴⁾ См. выше § 1.

Въ частности отношеніе греко-русскаго распѣва къ подлинному греческому церковному пѣнію представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Нельзя не отдать справедливости перелагателямъ греческихъ напѣвовъ въ томъ, что нѣкоторые отдѣльные ихъ труды во всѣхъ отношеніяхъ сохраняютъ замѣчательное сходство съ подлинными греко-восточными напѣвами тѣхъ же гласовъ и пѣснопѣній. Сюда относятся нѣкоторыя праздничныя пѣснопѣнія гласовъ 3, 4, 5 и 8, особенно же: пепорочны Великой субботы, блаженны, нѣкоторые задостойники и „Высшую небесь“¹⁾. Пѣснопѣнія эти, въ виду ихъ праздничнаго употребленія и художественности напѣвовъ, очевидно переложены болѣе тщательно и не подверглись передѣлкамъ обычной пѣвческой практики. Но нельзя того же сказать о прочихъ гласахъ и о многихъ другихъ пѣснопѣніяхъ, которыхъ напѣвы не похожи на извѣстные намъ подлинно греческіе, очень часто бѣдны мелодическимъ содержаніемъ и не самостоятельны.

Подлинное греческое пѣніе, основанное частію на храмовомъ еврейскомъ, частію на античномъ эллинскомъ искусствѣ, донинѣ сохраняетъ въ себѣ слѣды музыки тщательно обработанной какъ по тонкости различенія интервалловъ и оттѣнковъ выраженія, такъ по богатству мелодическаго содержанія и по ритму. Греческій же распѣвъ въ Россіи не удерживаетъ въ полной силѣ этихъ свойствъ византійскаго искусства пѣнія, а представляетъ собою видъ распѣва *упрощеннаго*, общедоступнаго для всякаго рода пѣвцовъ; клиросною же практикою въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ доведенъ до крайняго предѣла простоты и краткости, переступленіе черезъ который равнялось бы его искаженію. Въ частности:

1) Въ нашемъ греческомъ распѣвѣ сохраняются не всѣ *роды* пѣнія, существовавшіе издревле въ греко-восточной

¹⁾ Срав. Бурно-Дюкюдра: «Études sur la musique ecclésiastique Grecque». Январь—май. Парижъ. 1877 г., глава II.

Церкви и донныѣ въ ней практикуемыя. Тагѣ нѣтъ въ немъ и слѣдовъ пѣнія *энгармоническаго* рода, обнаруживающагося присутствіемъ въ мелодіи *четвертой* и *третьей* тона, а въ Синод. изданіяхъ нѣтъ и *хроматизма*. Съ переводомъ на линейныя ноты эти звуковыя тонкости, а равно и выражающіе ихъ переменныя звуки *дизы* и *ифезы* удалены изъ греческаго распѣва. Всѣ наши мелодіи происходятъ лишь въ извѣстной тогда русскимъ пѣвцамъ *диатонической* гаммѣ и только съ басомъ на верхнемъ *си* (*ца* или *фа*).

2) Самый *диатоническій* родъ нашего греко-русскаго пѣнія основывается дѣйствительно на музыкальной системѣ византійцевъ, но наше осмогласіе ограничивается *сокращенною* гаммою сравнительно съ эллинскою *неизмѣнимою лѣствицею*¹⁾; именно, всѣ его гласовыя области въ совокупности происходятъ (какъ и области *киевскаго* и *болгарскаго* распѣва) въ предѣлахъ не 12-ти, а только *восьми* звуковъ музыкальной лѣствицы: *ля-си-до-ре-ми-фа-соль-ля*. Выступленія мелодій изъ этой гаммы рѣдки, какъ бы случайны, и во всякомъ случаѣ составляютъ отступленія отъ установленныхъ для этого распѣва гласовыхъ областей.

3) Гласовыя области звуковъ нашего греческаго распѣва основаны такъ же, какъ и области греко-восточнаго пѣнія, на *тетрахордѣ* и *пентахордѣ*, но не содержатъ въ себѣ полной системы древнихъ эллинскихъ *ладовъ* съ ихъ отличительными свойствами, не сохраняютъ въ точности и интервальныхъ отношеній нынѣ извѣстнаго намъ восточно-греческаго церковнаго осмогласія, ни гласовыхъ примѣтъ, ни нотирования въ принятыхъ у грековъ тональностяхъ. Греческія мелодіи въ нашемъ Синод. Обиходѣ нотируются по большей части въ пониженныхъ областяхъ, а въ изданіяхъ капеллы въ повышенныхъ сравнительно съ Обиходомъ на кварту или

---

¹⁾ См. «О церков. пѣніи». . . вып. 1, § 2, 1.

квинту. Впрочемъ нотированіе мелодій по тональностямъ не составляетъ особенной важности для характеристики мелодій и у самихъ грековъ иногда въ одномъ и томъ же гласѣ бываетъ различно. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что самыя интервалльныя отношенія гласовыхъ областей въ нашемъ греческомъ распѣвѣ, особенно же гласовыя примѣты (т. е. господствующіе и конечные звуки мелодій), верѣдно не сходны съ подлиннымъ греческимъ пѣніемъ и весьма ограничены въ своихъ формахъ, что и служитъ признакомъ его до нѣкоторой степени самостоятельности. Въ нашемъ греческомъ распѣвѣ существуетъ не восемь гласовыхъ гаммъ или областей звуковъ, а только четыре и при томъ съ двоякимъ лишь въ нихъ расположеніемъ интервалловъ, именно:

до ре ми фа соль (въ гласахъ I, IV, VIII и частию V)

1 1 $\frac{1}{2}$ 1

до ре ми фа (въ гл. II и VI)

1 1 $\frac{1}{2}$

ре ми фа соль (въ гл. V и частию IV)

1 $\frac{1}{2}$ 1

ля си до ре ми (въ гл. III и VII).

1 $\frac{1}{2}$ 1 1

Подобную же ограниченность мы видимъ и въ гласовыхъ примѣтахъ; именно, мелодія всѣхъ гласовъ имѣютъ финаломъ *до*, кромѣ мелодій 1-го гласа, оканчивающихся на *ре*; господствующими же въ нихъ звуками служатъ *ми*, или *фа*, и только въ VIII гласѣ *соль*. Такая ограниченность музыкальных основаній и гласовыхъ примѣтъ съ одной стороны служитъ яснымъ показателемъ неполноты осмогласной системы нашего греческаго распѣва, а съ другой ведетъ къ нѣкоторому неустройству въ мелодіяхъ, именно къ недостаточно ясному ихъ разграниченію по гласамъ, а иногда и прямо къ ихъ смѣшенію. Въ частности неустройство гласовыхъ мелодій обнаруживается въ нашемъ греческомъ распѣвѣ въ слѣдующемъ:

а) Въ распѣваніи пѣснопѣній разныхъ гласовъ, по ихъ написаніямъ, иногда весьма сходными мало различасмыми напѣвами. Такое сходство замѣчается главнымъ образомъ между мелодіями сродно-музыкальныхъ гласовъ, напримѣръ I и V, II и VI, IV и VIII, каковыя пары гласовъ считаются въ этихъ случаяхъ какъ бы за одинъ гласъ, но встрѣчается и въ гласахъ не имѣющихъ музыкальнаго сродства. Сходство мелодій выражается или совершеннымъ *подчиненіемъ* пѣснопѣнія чуждому гласу, или *смѣшеніемъ* строкъ того и другого гласа въ особый напѣвъ, или наконецъ сходствомъ напѣвовъ разныхъ гласовъ въ отдѣльныхъ строкахъ и варіантахъ (модуляція). Такъ напримѣръ, слѣдующія пѣснопѣнія не надлежаще распѣты не тѣми гласами, бо ихъ написаніе носятъ: пѣснопѣніе по 6-й пѣсни молебнаго канона Богородицѣ „Предстательство христіанъ“ (Сун. Обих. л. 244 об.), написанное гласомъ VI, распѣто напѣвомъ пѣснопѣнія по 3-й пѣсни того же канона „Моленіе теплое“ (л. 241) *второго* гласа; вопदाкъ Богоявленію гласа IV „Явился еси днесь“ (Праздники л. 69 об.) распѣтъ напѣвомъ третьяго гласа, какъ и вопдакъ на Рождество Христово „Дѣва днесь“ (Обих. лл. 10 и 11 об.) и проч., степенна IV гласа „Отъ юности моя“ въ обычномъ пѣніи получила мелодію перваго гласа и проч. Другія пѣснопѣнія представляютъ собою смѣсь строкъ разныхъ гласовъ. Такъ тропари воскресны по непорочныхъ V гласа „Ангельскій соборъ удивися“ весьма похожи по напѣву на ирмосы Пасхи перваго гласа и также оканчиваются на *до*, а не *ре*; тропари къ ирмосамъ молебнаго канона Богородицѣ, а также „Неумолчимъ никогда, Богородице“ совмѣщаютъ въ себѣ строки гласовъ IV и VIII; пѣснопѣнія по 3-й и 6-й пѣсни пасхальнаго канона, написанныя четвертымъ и восьмымъ гласомъ имѣютъ одинъ и тотъ же напѣвъ, подобный напѣвамъ гласа четвертаго. Гласы II и VI гречеваго распѣва, будучи совершенно далеки отъ подлинныхъ

греческихъ (эпгармоническихъ), представляются не только бѣдными въ своихъ мелодіяхъ, но и несамостоятельными гласами. Они образовались, повидимому, изъ смѣшенія строкъ разныхъ другихъ гласовъ. Но и другіе гласы имѣютъ не мало между собою строкъ и вариантовъ; въ нѣкоторыхъ же напѣвахъ трудно съ точностію опредѣлить гласъ. Если пѣснопѣніе „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ по нѣкоторымъ признакамъ мы относимъ къ III гласу, то пѣснопѣніе „Съ нами Богъ“ (краткое) можно отнести и ко II и къ IV и даже къ I гласу (Потуловъ).

б) Наоборотъ, нѣкоторые гласы имѣютъ по нѣсколько мало сходныхъ или и совершенно несходныхъ между собою мелодическихъ образцовъ, которые не возможно соединить въ какой либо одной гаммѣ гласа. Таковы особено варианты гласовъ IV и VIII¹⁾.

Правда, по изслѣдованію Бурго-Дюеудрѣ, и въ подлинномъ греческомъ осмогласіи встрѣчается нѣкоторое неустройство, выражающееся въ разнообразіи гаммъ одного и того же гласа, въ смѣшеніи мелодій разныхъ гласовъ, но тамъ этого рода отступленія отъ нормы по крайней мѣрѣ имѣютъ опредѣленные виды и названія и подчиняются извѣстнымъ правиламъ. У насъ же мелодическія увлоненія отъ гласовыхъ напѣвовъ по большей части не имѣютъ правильности, а представляются произвольными нарушеніями системы осмогласія, безъ опредѣленнаго метода, или даже случаями недоумѣнія пѣвцовъ и перелагателей.

4) Въ греко-восточномъ пѣніи, древнемъ и новомъ, мы видимъ часто широкое развитіе мелодій, выражающееся съ одной стороны значительными ихъ выступленіями изъ гласовой области вверхъ и внизъ (до 11-ти звуковъ) и отдаленными звуковыми переходами, а съ другой пространными въ

---

¹⁾ См. нот. приложеніе.

мелодіяхъ звуковыми добавленіями безъ словъ текста въ видѣ *кратиматъ* (задержекъ) съ употребленіемъ *терерисмъ* и *аненаковъ*, видимъ повторенія не только словъ, но и гласныхъ буквъ и слоговъ слова, или даже одну музыку безъ словъ¹⁾. Мелодіи нашего греческаго распѣва происходятъ по большей части въ тѣсныхъ предѣлахъ ихъ гласовыхъ областей, весьма рѣдко расширяются внѣ ихъ и во всякомъ случаѣ не превышаютъ звукового объема сексты и септимы; высокія же ноты подлинныхъ греческихъ напѣвовъ замѣляются болѣе низкими нотами. Отдаленные переходы и повтореніе словъ не допускаются. Наши мелодіи не имѣютъ и широкихъ украсительныхъ распространеній внѣ текста, и развѣ только певогія финальныя строки въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ удерживаютъ еще слабыя слѣды ихъ. Затѣмъ, съ примѣненіемъ восточно-греческихъ мелодій къ славянскому тексту, измѣнены въ нихъ и нѣкоторые мелодическіе обороты, отмѣнены сложныя звуковыя фразы, видоизмѣнены и нѣкоторыя украшенія. Изъ характера этихъ выпусковъ и измѣненій видно, что перелагатели греческихъ напѣвовъ стремились изложить ихъ проще и ближе къ привычнымъ въ Россіи прежде мотивамъ и приемамъ пѣнія. Этимъ между прочимъ объясняется и близкое сходство нѣкоторыхъ мелодій и украшеній греческаго распѣва съ нашими знаменными. Таковы, наприм. мелодіи ирмосовъ гласа IV „Моря черную пучину“ и задостойника Преображенію (Обих. л. 15), таково употребленіе привычнаго намъ *синкопа* вмѣсто греческаго украшенія *группетто*.

5) Музыкальный *ритмъ* византійскаго пѣнія выдержанъ строже и точнѣе въ примѣненіи къ греческому, чѣмъ къ славянскому тексту. Это ясно изъ симметричнаго дѣленія грече-

---

¹⁾ Архим. Порфирія Успенскаго: »Первое путешествіе въ Афон. монастыри«, ч. II, отд. 1, стр. 6 и нот. приложенія. Срав. Бурго-Дюжудра »Etudes«... глава II, гласъ 4-й плагальный и проч.

сваго текста на *полустипіія*, въ которыхъ принимаются въ расчетъ не только количество и мѣста удареній, но и количество слоговъ по крайней мѣрѣ на концѣ каждаго стиха¹⁾. Въ нашемъ греческомъ распѣвѣ съ переводнымъ прозаическимъ текстомъ такое расположеніе слоговъ и удареній не соблюдено, а сверхъ того очень часто допускаются слитныя строки, нарушающія правильность дѣленія мелодіи и текста на стихи и полустипіія, равно какъ и симметрическое расположеніе этихъ частей. Такъ, на примѣръ, пѣснопѣніе

„Богъ Господь | и явился намъ

Благословенъ грядый | во имя Господне“

сообразно его словесному составу должно бы быть пѣто въ *большихъ* распѣвахъ четырьмя мелодическими строками, разделенными на два періода; между тѣмъ въ нашемъ греческомъ распѣвѣ оно поется очень часто только тремя строками, изъ коихъ первая бываетъ слитная. Причиною того конечно малоколичественность слоговъ въ первомъ полустипіи и соблюденіе *силлабическаго* стили пѣнія, но чрезъ это нарушается симметрическое расположеніе частей мелодіи. Только нѣкоторыя изъ нашихъ пѣснопѣній имѣютъ ясныя слѣды симметрическаго ритма, обнаруживающіеся въ нихъ дѣленіемъ мелодіи на равныя части и даже такты, по четыре темпа въ каждомъ.

6) Не привились къ намъ и способы мелодическаго выраженія и исполненія церковныхъ напѣвовъ, издревле и донынѣ практикуемые у грековъ. Пѣтъ у насъ неминуемаго при греческомъ пѣніи *исона*, ни носоваго тѣмбра, ни искус-

---

¹⁾ Такъ, въ каждомъ полустипіи или колѣнѣ греческой херувимской пѣсни мы видимъ по два слова текста (не считая члена при именахъ существительныхъ), въ концѣ же каждаго стиха по три ударенія точно разъединенныя одинъ отъ другого двумя несударяемыми слогами. То же и въ греческихъ *подобнахъ*. См. Теорію и практику церкви. пѣнія прот. Д. Разумовскаго. Москва. 1886 г., стр. 17.

ственного дрожанія голосовъ, ни обильнаго употребленія украшеній, а потому нѣтъ и знаковъ, обозначающихъ способы и оттѣнки этого рода мелодическаго исполненія. Въ нашемъ пѣннѣ меньше искусственности, но нерѣдко больше увѣренности и благоговѣйной задумчивости; а съ другой стороны и наши пѣвцы, съ южно-руссами во главѣ, уже слишкомъ крѣпко свыклись съ западно-европейскимъ гармоническимъ пѣніемъ, чтобы снова возвратиться къ древнимъ, частію употреблявшимся нѣкогда и въ Россіи, мелодическимъ приемамъ исполненія.

7) Наконецъ въ греческой пѣвческой педагогикѣ, при изученіи того или другого гласа дается важное значеніе прелюдіямъ, а частію и запѣвамъ, не относящимся къ мелодіи и тексту того или другого пѣснопѣнія, но показывающимъ лишь схему гласа и строй напѣва¹⁾). Существуютъ у грековъ и теоріи церковнаго пѣнія и собранія пѣвческихъ упражненій, принадлежація извѣстнымъ авторамъ. Въ Россію же съ греческими напѣвами не заимствовано ни греческой нотациі, ни способовъ и приемовъ обученія церковному пѣнію и никакихъ вообще теоретическихъ или практическихъ руководствъ по этому предмету. Напѣвы заимствованы нами отъ греческихъ пѣвцовъ путемъ пѣвческой практики и сохраняются практикою же.

Такую незаконченность и такое неустройство представляютъ собою имѣющіеся въ нашихъ пѣвчихъ книгахъ напѣвы, извѣстные подъ общимъ именемъ *греческаго ростава*. Но и эти напѣвы въ настоящее время не сохранились въ полномъ ихъ составѣ и точномъ видѣ въ нашей обычной клиросной практикѣ. Одни изъ нихъ вовсе вышли изъ клироснаго употребленія и сохраняются только въ нотныхъ книгахъ, какъ

---

¹⁾ Указаніе на нѣкоторые изъ нихъ см. въ путешествіяхъ архим. Порфирія Успенскаго, особенно же у Фокаева «Μουσικόν Ἐγχέλιον», главы 13—21.

древность, не имѣющая практическаго примѣненія, другіе же, ставъ достояніемъ устнаго преданія по слуху и памяти, видоизмѣнились еще въ болѣе простыя и краткіе напѣвы. Здѣсь они приняли видъ *малаго* распѣва со всѣми принадлежащими ему свойствами: упрощеніями, сокращеніями, схематическимъ устройствомъ, ускоренно-речитативнымъ движеніемъ, продолжительностію текстовыхъ строкъ, умаленіемъ красоть и ритмическихъ свойствъ, а слѣдовательно и подлежащей раздѣльности мысли текста и способовъ его художественной выразительности. Это напѣвы, сохраняющіе одинъ только остовъ греческихъ мелодій, покрытый блѣдною кожею. Они не имѣютъ ни широкаго мелодическаго развитія и разнообразія, ни оживленности движенія, ни раздѣльности мысли, ни роскошныхъ красокъ и выразительности византійскаго церковнаго искусства.

Да наконецъ и эти краткіе напѣвы, произведенные отъ греческихъ, въ нынѣшней *обычной* пѣвческой практикѣ далеко не всѣ удержались въ пѣніи какъ тропарей, такъ и ирмосовъ. Многіе изъ нихъ замѣнены иными, еще болѣе простыми и краткими разнаго происхожденія. „Отдѣлъ тропарей, по изслѣдованію Д. Н. Соловьева¹⁾, небрежностію практическаго употребленія доведенъ до большаго безпорядка: здѣсь и кievскій распѣвъ, и столповой, и греческій, и такъ называемый *обычный*, и болгарскій... Гласы: 1-й, 3-й, 5-й, 6-й и 7-й обыкновенно поются греческимъ распѣвомъ, 2-й малымъ знаменнымъ, 4-й и 8-й обычнымъ (образовавшимся изъ 4-го гласа знаменнаго малаго распѣва), а 8-й одна строка (сокращается) 8-го же греческаго или 2-го греческаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 2-й гласъ поется по греческому распѣву, 7-й по болгарскому, 3-й, 5-й и 6-й по кievскому напѣвомъ „воззвуховъ“; въ иныхъ церквахъ 2-й гласъ поютъ однострочный (передѣлка изъ греческаго), а 6-й по двумъ строкамъ болгарскаго (не правильно

---

¹⁾ Синод. Церк. Вѣд. 1890 г. № 12.

принимаемого за кievскій)“.—Вообще бoльшая часть греческих напѣвовъ тропарей нынѣ оставлена безъ употребленія и замѣнена иными болѣе простыми по конструеціи и вмѣстѣ болѣе краткими напѣвами. Подобное сему должно связать и объ ирмосахъ. Греческимъ роспѣвомъ нынѣ обыкновенно поются только ирмосы гласовъ 1-го и 3-го (см. руков. Потулова); ирмосы же прочихъ гласовъ замѣняются иными, такъ называемыми *обычными* напѣвами.

Такимъ образомъ нашъ греческій роспѣвъ не удерживаетъ въ себѣ точныхъ формъ и всѣхъ тонкостей византійскаго искусства церковнаго пѣнія. Однакоже въ лучшихъ его образцахъ и опъ доселѣ весьма близокъ къ своему греческому прототипу, потому что сохраняетъ въ себѣ не только явственные слѣды его музыкальныхъ основаній, но и характеристическія черты его мелодическихъ и ритмическихъ свойствъ. Къ такимъ чертамъ относятся:

1) Живость и свѣжесть *радостнаго* религіознаго чувства, безъ всякаго оттѣнка гнетущей скорби и унынія, столь свойственныхъ особенно произведеніямъ западной церкви. Пѣніе это есть плодъ христіанскаго *благодушія* (Іак. 5, 13) и само въ свою очередь располагаетъ слушателей къ благодушію же. Чувство это составляетъ одинъ изъ элементовъ пѣнія первснствующей христіанской Церкви, полной обиліемъ духовныхъ даровъ, возвысившейся надъ попеченіями о земномъ и нуждами плоти, и даже скорби и смерти встрѣчавшей радостно, въ виду столь желаемаго тогда всѣми разрѣшенія отъ узъ плоти и соединенія со Христомъ. Это выраженіе христіанской любви и надежды, которыя составляютъ отличительную черту истинной Христовой Церкви и которыми полны всѣ тексты ея богослужебныхъ пѣснопѣній. „Пѣніе это (слова Б.-Дюкурэ о пѣніи греко-восточной Церкви) имѣетъ менѣе торжественности и тяжелой массивности, чѣмъ пѣніе западной церкви; но въ немъ болѣе мелодическаго движенія и выразительности,

болѣе задушевной теплоты, болѣе жизненности и нѣжнаго живого чувства. Пѣніе это превосходно выражаетъ чувства кротости, смиренія, мольбы и богобоязненности, излагаемыя въ немъ самымъ общедоступнымъ образомъ¹⁾. Разсматривая мелодіи греческаго распѣва, изложенныя въ нашихъ нотныхъ книгахъ, мы не находимъ среди ихъ мотивовъ ни скорбныхъ погребальныхъ, ни унылыхъ покаянно умирительныхъ. Мотивы скорби могли бы быть умѣстны, наприм., въ пѣснопѣнія „Нарѣкахъ Вавилонскихъ“ и въ непорочныхъ Великой субботы, но и здѣсь мы ихъ не встрѣчаемъ. Мелодіи этихъ пѣснопѣній растворены сознаниемъ величія воспоминаемыхъ въ немъ событій и чувствомъ благоговѣйной преданности волѣ Божіей. Здѣсь господствуетъ тонъ скорѣе *объективности* героической поэзіи, чѣмъ частнаго сѣтованія о скорбныхъ событіяхъ празднуемыхъ дней.

2) Этому характеру пѣнъвовъ вполне соответствуетъ и техническое ихъ нотное изложеніе. Въ немъ мы находимъ *живость выраженія*, обнаруживающуюся свободою мелодическаго движенія, легкостію темпа и игривостію мелодическихъ оборотовъ, каковыми свойствами греческій распѣвъ рельефно выдается даже въ ряду другихъ совмѣстныхъ съ нимъ распѣвовъ русской Церкви: *столповаго, болгарскаго и кievскаго*. Мелодіи греческаго распѣва напоминаютъ собою не колебаніе тяжелыхъ массъ водной поверхности, какъ столповое пѣніе, не массивное движеніе воздушной стихіи на обширныхъ равнинахъ, какъ распѣвъ болгарскій, а игривое вѣяніе весеннихъ вѣтерковъ въ свѣжераспустившейся зелени молодыхъ кустарниковъ. Однакоже живость выраженія здѣсь умѣряется мягкостію и плавностію голосоведенія. Въ этомъ отношеніи о Мелетіевомъ переводѣ должно сказать то же, что о. архимандритъ Порфирій (Успенскій) сказалъ нѣкогда о подлинномъ грече-

---

1) Études sur la musique eccl. Grecque, стр. 8.

скомъ пѣніи. Отличительными чертами его служатъ: „*Мелодія* одного сладкопѣвца, непрерывная *постепенность* перехода тоновъ въ тоны съ помощію полутоновъ и разливной трели и роскошная *кудрявость*, состоящая въ томъ, что голосъ изви-вастся около главнаго тона, снизу вверхъ и сверху внизъ, безъ нашихъ скачковъ, на подобіе плюща, вьющагося по стѣнѣ, или около дерева¹⁾).

3) Между тѣмъ напѣвы греческаго распѣва и многіе отдѣльные въ нихъ мелодическіе обороты полны выразительности, граціи и художественнаго музыкальнаго вкуса. Составители мелодій употребили все свое стараніе и таланты на выразительность мысли текста и на возбужденіе въ слушателяхъ соотвѣтственнаго тому или другому словесному выраженію чувства. Отсюда разнѣобразіе вариантовъ въ мелодіи и отступленія отъ обычныхъ гласовыхъ формъ. При чемъ многіе напѣвы и отдѣльные въ нихъ фразы выдаются прелестію самаго счастливаго сочетанія звуковъ, свидѣтельствующаго о высоко-художественномъ вкусѣ пѣснотворцевъ, о ихъ живомъ чувствѣ и его задушевномъ изліяніи, о поэтическихъ ихъ дарованіяхъ и глубокомъ знаніи ими законовъ музыки, а вмѣстѣ и воодушевлявшемъ ихъ во время творчества искреннемъ благо-честіи. Это настроеніе духа передается и слушателю чрезъ пѣніе. Оно вселяетъ въ душу бодрость и благочестивую радость, обрыляетъ ее, восхищаетъ.

4) При этомъ мотивы церковныхъ пѣсноцѣпій проникнуты характеромъ чисто *церковнымъ* и не имѣютъ ничего общаго съ мотивами мірской, хотя бы и важной пѣсни. Стиль греческихъ церковныхъ напѣвовъ не заимствованъ ни изъ народной пѣсни, ни изъ театра, но выработанъ самостоятельно на чисто церковной почвѣ и достаточно опредѣленъ въ своихъ

---

¹⁾ Второе путеш. въ Синайскій монастырь въ 1850 г. Сиб. 1856 г., стр. 99.

типическихъ чертахъ дѣятельностію многихъ талантовъ, практикою многихъ вѣковъ, а потому представляется по своему мелодическому характеру самобытнымъ, рельефно отчетливымъ и прочнымъ.

5) Въ техническомъ отношеніи въ греческомъ распѣвѣ есть напѣвы болѣе художественные по своему сложенію, есть и болѣе простые. Къ наиболѣе художественнымъ пѣснопѣніямъ должно отнести:

а) По свободѣ мелодическаго голосоведенія: воскресные тропари *по непорочнахъ* V гласа (Синод. Обих. л. 68); непорочны Великой субботы III и V гласа (л.л. 190 и 199 об.); стихиры Пасхи того же гласа (л. 230).

б) По разнообразію вариантовъ и разнообразному ихъ сочетанію: ирмосы Пасхи I гласа.

в) По строгости музыкальнаго развитія и симметрическому расположенію частей: блаженны и задостойники нѣкоторыхъ гласовъ, „Вышнюю небесъ“ гл. IV (л. 237); причастень „Творяй Ангелы“ гл. VII (л. 154) и др.

г) По обширности и сложности мелодическаго развитія: „Христось воскресе“, гл. V (л. 232 об.) и III гл. „Дѣва днесъ“ (л. 10) и др.

д) По живости чувства, задушевности и граціи мотива: „Величить душа моя Господа“, гл. VI (л. 75), задостойникъ на Рождество Христово „Любити убо намъ“ (л. 147) и др.

е) Къ счастливымъ, полнымъ граціи и изящества, отдѣльнымъ мелодическимъ фразамъ относятся, наприм., фразы надъ словами пѣснопѣній: въ богородичнѣ I гласа „слава свободившему насъ“ (Обих. л. 33); въ ирмосахъ Пасхи „Егоже вѣрній“ (л. 228 об.); въ задостойникѣ Рождеству Христову „пѣснѣ твати спротяженно сложенной“ и „слико есть произволеніе даждь“ (л. 147), и многія другія.

ж) Сверхъ того многіе и изъ простыхъ и краткихъ по своему сложенію напѣвовъ не чужды художественности мело-

дическаго движенія, сердечной теплоты и глубины религіознаго чувства, безъ которыхъ въ исполненіи теряють всю свою прелесть и силу. Къ такимъ пѣснопѣвіямъ можно причислить всѣ ирмосы греческаго распѣва.

Вотъ новый опытъ довольно обильнаго заимствованія въ Россіи греческихъ церковныхъ напѣвовъ во второй половинѣ XVII вѣка послѣ не прививнагося у насъ древняго *кандакарнаго* пѣнія. Изъ вышележеннаго видно, что этотъ новый видъ греческаго распѣва получилъ у насъ довольно широкое употребленіе при богослуженіи и повсемѣстное распространеніе. Но, признавая его однохарактернымъ въ общихъ чертахъ съ подлиннымъ греческимъ пѣніемъ, мы не ручаемся за точность его заимствованія и за сохраненіе въ немъ всѣхъ свойствъ его греческаго прототипа. И это не наша вина и не вина грековъ. Греческій распѣвъ принесенъ въ Россію и насажденъ самими греками, которые научили русскихъ пѣвцовъ, какъ могли и чему могли научить при тогдашнемъ музыкальномъ образованіи и направленіи въ Россіи. Упущеніемъ съ нашей стороны представляется лишь то, что, довѣрившись греческимъ пришлецамъ, мы въ продолженіи 200 лѣтъ не позаботились ознакомиться сами съ подлиннымъ греко-восточнымъ пѣніемъ, — его нотными книгами, теорією и практикою, а усердно черпали напѣвы и приемы пѣнія съ инославнаго Запада: не провѣрили, не усовершенствовали, не продолжили и переводовъ, начатыхъ нашими предками въ XVII вѣкѣ, наконецъ, не усвоили греческихъ напѣвовъ такъ, чтобы сами могли распѣвать, хотя бы только подражательно, церковныя пѣснопѣнія въ духѣ и стилѣ греко-восточной Церкви. Можетъ быть въ упомянутый протекшій періодъ времени и были къ тому болѣе или менѣе важныя и уважительныя причины. Но недоконченное исправить, несовершенное усовершенствовать, начатое продолжать и нынѣ есть не только время, но и надобность

и возможность. Всячески желательно, особенно въ противобѣсъ современному намъ узко западному, а также и обычно формальному направленію нашего церковнаго пѣнія, имѣть намъ восточно-греческіе напѣвы въ болѣе полномъ и близкомъ къ подлиннымъ видѣ, съ удержаніемъ, по возможности, ихъ красоту и оттѣнковь выраженія. Да при современномъ состояніи музыкальной науки въ Россіи и церковно-пѣвческихъ учрежденіяхъ, мы, можетъ быть, были бы и болѣе способными, чѣмъ наши предки, провѣрить, исправить и дополнить переводъ Мелетія; и развѣ только тонкости греческаго мелодическаго искусства и наша долговременная привычка къ европейской гармонизаціи въ извѣстной мѣрѣ помѣшали бы тщательной точности исполненія этого дѣла.

